

ПОЛТАВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

БЕСѢДА 3-я.

*Блажені плачущіи, яко тѣмъ
утѣшатся (Мѡ. 5, 4).*

Кто тѣ плачущіе, которыхъ Господь ублажаетъ и которымъ обѣщаетъ утѣшеніе? Всѣ обыкновенно почитаютъ радующихся блаженными, а сѣтующихъ и плачущихъ несчастными, а Господь, напротивъ, послѣднихъ, т. е. сѣтующихъ и плачущихъ называетъ блаженными. Блаженіи плачущіи.

Причины плача и сѣтованія бываютъ различны: плачутъ и сѣтуютъ обыкновенно объ утратѣ того, что кому дорого: кто любитъ богатство, тотъ скорбитъ и сѣтуетъ, когда теряетъ сокровища свои, кто любитъ славу человѣческую, тотъ сѣтуетъ, когда она отнимается у него. Не такой плачъ ублажаетъ Господь, и не въ такихъ потеряхъ обѣщаетъ утѣшеніе хотя и въ потеряхъ этого рода иногда Онъ снисходитъ къ малодушію человѣка и посылаетъ утѣшеніе. Есть у насъ утраты несравненно важнѣе потери временныхъ земныхъ благъ—это утрата первозданной доброты, которою нѣкогда сіяла Богоподобная душа человѣка, утрата богатства духовныхъ совершенствъ и дарованій, и славы царственной надъ всѣми земными тварями, которыми обладалъ первозданный человѣкъ. Вслѣдствіе этихъ утратъ появились въ человѣкѣ губительныя склонности ко грѣху и возобладало имъ такое влеченіе къ злу, что съ раннихъ

лѣтъ прилежитъ ему прилежно помышленіе на злая. (Быт. 6, 5) Вотъ эти утраты мы всѣ должны горько оплакивать.

Если внимательно всмотримся въ состояніе души нашей, проникнемъ сознаниемъ съ свѣтильникомъ слова Божія въ недоступную поверхностному взгляду глубину ея, сколько откроемъ въ ней источниковъ горькихъ слезъ! Здѣсь страсти гнѣздятся въ ней какъ змѣи, тамъ нечистые помыслы кипятъ какъ черви, а тутъ дурныя наклонности гнетутъ совѣсть и влекутъ къ порочнымъ дѣламъ. Если потребуемъ у себя строгаго, безпристрастнаго, разумнаго отчета въ томъ, какъ пользуемся мы Богодарованною жизнію, къ тяжелой скорби увидимъ, что вся наша жизнь отъ юности до старости есть сцѣпленіе разныхъ ошибокъ, заблужденій, обольщеній, грѣхопаденій. Какъ же не сокрушаться сердцу, какъ не изливаться слезамъ скорби и сѣтованія при видѣ этого болѣзненнаго состоянія души, при живомъ представленіи этого жалкаго омраченія въ ней образа Божія, столь свѣтло нѣкогда сіяваго! И блажени плачущіи сими слезами, яко ти утѣшатся.

Кто сокрушается и плачетъ о своихъ грѣхахъ, тотъ искренно проситъ прощенія ихъ у Бога, и получаетъ просимое; ибо Господь безиредѣльно благъ и милосердъ. „Какъ послѣ проливнаго дождя, воздухъ дѣлается чистымъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, такъ и по пролитіи слезъ настаеетъ тишина и ясность, и мракъ грѣховный исчезаетъ“ (6 бес. на Ев. отъ Мѳ.). Кто сокрушается и плачетъ о своихъ грѣхахъ, того плачъ, проникая небеса, низводитъ отъ любвеобильнаго Отца небеснаго благодать Свят. Духа, возвращающую душѣ ту чистоту и невинность, въ которой онъ вышелъ изъ купели крещенія. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, говоритъ: „Плачъ омываетъ душу, убѣляетъ всякое потемнѣніе, очищаетъ совѣсть, просвѣщаетъ умъ, разрѣшаетъ грѣховныя узы, заглаживаетъ рукописаніе всякихъ беззаконій“ (7. 1-я стр. 27 изд. 1804 г.). Поэтому, сѣющіи слезами радостію пожнутъ. Да, они утѣшатся не только въ будущей жизни славою, но и въ настоящей жизни благодатію. Если есть на землѣ истинная радость, то она принадлежитъ сердцамъ умиленнымъ, которую они почерпаютъ изъ чистаго источника благодати Божіей, и утверждается на свидѣтельствѣ благой и непорочной ихъ совѣсти. „Какъ мірская радость бываетъ смѣшана съ печая-

лію, говорить св. Іоаннъ Златоустъ, такъ слезы по Богѣ произрацають всегдашнюю и неувядающую радость“ (6 бес. на Ев. отъ Мѳ.). Но несравненно большее утѣшеніе ожидаетъ плачущихъ сими слезами въ будущей жизни. Тогда Господь отъиметь всяку слезу отъ очію ихъ (Ап. 7, 17). Тамъ, въ новомъ Іерусалимѣ, во градѣ святомъ, сходящемъ съ небеси, въ скиніи, гдѣ Господь собереть людей, чтобы вѣчно обитать съ ними, тамъ не будетъ уже, ни смерти, ни плача, ни вопля, ни болѣзни. (Ап. 21, 2—4).

Есть еще плачущіе, которые должны надѣяться на утѣшеніе отъ Господа: это страдальцы, которые съ терпѣніемъ и покорностію къ святому Провидѣнію переносятъ испытываемыя ими страданья. Въ сонмѣ такихъ страдальцевъ свѣтлѣ всѣхъ сіяють подвижники истины и добра, за нихъ подвергшіеся страданіямъ, изгнаніямъ, лишеніямъ, поруганіямъ, заключеніямъ и зоключеніямъ. Съ ними примуть участіе въ божественномъ утѣшеніи и въ вѣнцахъ небесныхъ съ благодушнымъ мужествомъ переносящіе разнаго рода скорби отъ стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ, независимо отъ ихъ вины и воли, а также страждущіе отъ болѣзней тяжкихъ и продолжительныхъ. Св. Іоаннъ Златоустъ благодушное терпѣніе сихъ страдальцевъ приравниваетъ къ мученичеству (3 бес. на Сол.) и указываетъ имъ на мученическіе вѣнцы, которые Господь воздастъ имъ въ день праведнаго возданія. Убо блажени плачущіи, яко тѣи утѣшатся.

Но кто дастъ главѣ моей воду, и очамъ моимъ источникъ слезъ? воиѣль нѣкогда пророкъ Іеремія (Іер. 9. 1). Не то же ли и мы должны сказать, не находя слезъ для очищенія души отъ грѣховъ! Да можетъ быть большая часть изъ насъ, не умѣетъ и плакать, когда бы нужно плакать, чтобы получить утѣшеніе. Что же тутъ дѣлать? Будемъ молиться по указанію церкви. О Христе, всѣхъ Царю! подаждь ми слезы теплы, да плачу мою душу, юже злѣ погубихъ. Аминь.

Б Е С Ъ Д А 4-я

*Блажени кротцыи, яко тїи наслѣ-
дятъ землю. (Мѡ. 5. 5).*

Кротость, которую Христось ублажаетъ, есть благодатное настроеніе души къ миру, достигаемое постоянною бдительностію надъ собою, укрощеніемъ страстей и очищеніемъ сердца. Посему она не есть счастливое расположеніе природы, или плодъ добраго воспитанія, хотя и природа и воспитаніе могутъ предрасполагать душу къ пріобрѣтенію ея; но есть дщерь той премудрости, свыше нисходящей, которая первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнена милости и плодовъ благихъ, безпристрастна и нелицемѣрна (Іак. 3, 17), и вмѣстѣ той любви, которая долготерпѣтъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслить зла, вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся уповасть, все переносить (1 Кор. 13, 4—7) Рождаясь изъ мудрости или любви, кротость украшаетъ и возвышаетъ какъ ту, такъ и другую; и мудрость и любовь безъ кротости много утратили бы своего достоинства.

Плоды кротости прежде всего являются въ смиренной покорности судьбамъ и распоряженіямъ Промысла Божія, въ безусловномъ повиновеніи и всецѣлой преданности волѣ Божіей, въ благоговѣйномъ опасеніи огорчить любовь Божію какимъ бы то ни было образомъ, затѣмъ въ любвеобильной благоснисходительности ко всѣмъ людямъ, въ мирномъ обращеніи со всѣми, въ перенесеніи оскорбленій, несправедливостей и обидъ безъ гнѣва и желанія мщенія, со всегдашнимъ расположеніемъ побѣждать благимъ злое (Рим. 12, 21). Такими дѣйствіями кротость, охраняя безмятежное спокойствіе въ душѣ, разливаешь миръ и радость повсюду, гдѣ является съ своимъ благотворнымъ словомъ и дѣломъ.

Кроткій мужъ—сердцу врачъ, говоритъ Боговдохновенный мудрецъ (Притч. 14, 30). Всѣ мы, созданные по образу Божію, любимъ, по природѣ, добро; по всѣмъ также намъ отъ юности прилежитъ помышленіе на злое (Быт. 8, 21). Съ самого рожденія мы носимъ въ душѣ болѣзнь грѣховную, тѣмъ болѣе опасную, чѣмъ болѣе жизнь представляетъ слу-

чаевъ къ развитію ея. Если оставить ее безъ врачеванія, если не противоудѣйствовать ея развитію, то она опустошитъ все доброе въ человѣкѣ. Попеченіе о врачеваніи болѣзней на иныхъ возложено долгомъ, какъ-то: на пастырей церкви, родителей, воспитателей и пр., всѣ же прочіе призываются къ сему христіанскою любовію. Но при врачеваніи сихъ болѣзней требуется большая осторожность, чтобы врачеваніе не оказалось слишкомъ сильнымъ или слишкомъ слабымъ. Болѣзни духовныя, какъ и тѣлесныя, не одинаковаго свойства: не многія и въ немногихъ лицахъ требуютъ сильныхъ средствъ, большая же часть лучше испѣляются кроткими мѣрами, какъ и въ тѣлесныхъ болѣзняхъ отсѣченія, прижиганія и т. п. употребляются только въ крайнихъ случаяхъ, когда болѣе легкія мѣры окажутся неэффѣктивными. Какъ ни глубоко повреждено сердце человѣческое, но на него всегда почти кротость можетъ дѣйствовать съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Душа, согрѣтая кроткимъ дыханіемъ любви, свободно раскрывается къ внушеніямъ добра, какъ земля, отогрѣтая весеннимъ солнцемъ, открываетъ свои нѣдра для принятія и произращенія ишеницы. Сила кротости пробуждаетъ усыпленную совѣсть, не раздражая самолюбія, приводитъ къ раскаянію виновныхъ; ободряя надеждою помилованія и располагаетъ къ довѣренности и искренности, которыя рѣдко находятъ въ исправляемыхъ строгаая, хотя бы и благонамѣренная, ревность. Человѣкъ свободно и охотно подчиняется только силѣ и власти любви, потому что онъ самъ произошелъ изъ нѣдръ Божественной любви; гдѣ не замѣчаетъ любви, тамъ упорствуетъ, и чѣмъ глубже нравственное его поврежденіе, тѣмъ сильнѣе обнаруживается упорство противъ строгихъ мѣръ къ исправленію. Можетъ ли больной имѣть довѣренность къ тому врачу, который, безжалостно смотря на жизнь и страданія человѣческія, привыкъ употреблять сильныя и рѣшительныя средства при лѣченіи болѣзней? тоже бываетъ и при врачеваніи недуговъ духовныхъ; страждущій ими не можетъ имѣть ни довѣренности, ни расположенія къ своему врачу, если не замѣчаетъ въ немъ кроткаго состраданія къ своимъ немощамъ и паденіямъ. Оттого и усилія такого врача остаются малоплодными. Сильныя, или строгія мѣры, обуздывая зло и удерживая злыхъ на нѣкоторое время отъ новыхъ проступковъ, не исправляютъ

сердца, а кроткій мужъ—сердцу врачъ. Иногда и христіанская кротость бываетъ вынуждаема къ строгимъ мѣрамъ; но и въ строгости она всегда является полною любви со-страданія, благоснисходительности. Такъ мать, наказывая любимое, но непослушное свое дитя, сама плачетъ.

Прекрасной, боголюбезной и всѣми любимой добродѣтели Господь обѣщаль и награду возжелѣнную: ти наслѣдять землю. Нѣкогда потомству, странника и пришельца земли ханаанской, Авраама была обѣщана въ наслѣдіе земля эта, кинящая медомъ и млекою. Тамъ послѣ многихъ скорбей, лишеній и трудовъ ожидали ихъ покой и довольство (Быт. 15, 13—16). Этимъ обѣтованіемъ утѣшали и подкрѣпляли себя въ страданіяхъ потомки Авраама въ Египтѣ. Земля обѣтованная была образомъ той новой земли, въ которой правда живетъ, и которой мы всѣ по обѣтованію Христову чаемъ (2 Петр. 3, 13). Сія—то новая земля, подъ новымъ небомъ, освѣщаемымъ вмѣсто солнца славою Божіею (Апок. 21, 23), обѣщана кроткимъ въ душѣ и по жизни въ наслѣдіе вѣчное; тамъ миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, тамъ покой невозмущаемый, тамъ радость и веселіе о Господѣ нескончаемое. Аминь.

Свящ. В. Гончаровъ.

На наши темы.

IV.

Духовенство передъ судомъ современной интеллигенціи

Глубокій, внутренній разладъ, который давно уже характеризуетъ собой взаимныя отношенія интеллигенціи и церкви, въ послѣднее время сталъ обнаруживаться съ особенной силой. Три характерныхъ теченія наблюдаются въ отношеніяхъ интеллигенціи къ церкви. Съ одной стороны, нѣкоторые слои этой интеллигенціи все сильнѣе затопляютъ перекатившаяся съ запада грозная волна, такъ называемаго, экономическаго матеріализма, по которому высшая область челоуѣческаго духа признается какимъ-то фантомомъ, не имѣющимъ существеннаго, опредѣляющаго назначенія, придат-

комъ къ жизни, которая всецѣло направляется неумолимыми экономическими законами. Другая часть интеллигенціи, избѣжавъ увлеченія бездушнѣйшей матеріалистической доктриной не убереглась отъ другой опасности: отвергнувъ въ религіи моменты догматической и мистической, она признала существо религіи въ моментѣ нравственномъ (этическомъ) и въ слѣдъ за Толстымъ пришла къ христіанству безъ Христа. Наконецъ, значительная часть интеллигенціи, сохраняя чисто внѣшнія связи съ церковью, давно уже погрузилась въ холодный мертвящій религіозный индифферентизмъ, отъ котораго вѣтъ на живое дѣло церкви не менѣе тлѣтельнымъ дыханіемъ, чѣмъ и отъ нескрываемой, открытой вражды къ ней.

Такимъ образомъ живыя, внутреннія связи съ церковью, за рѣдкими исключеніями, порваны интеллигенціей, вслѣдствіе чего духовенство и интеллигенція представляютъ собой какъ бы два совершенно чуждыхъ другъ другу лагеря, между которыми, можетъ быть, возможно нѣкоторое примиреніе, но едва ли возможенъ прочный, внутренній союзъ.

Это прискорбное обстоятельство, однако, не даетъ права духовенству пренебрежительно игнорировать тѣ укору и нападки, которыми въ послѣднее время такъ ожесточенно разражается интеллигенція по адресу духовенства.

Вѣдь истину о сѣбѣ иногда скорѣе услышишь отъ враговъ, чѣмъ отъ друзей; если же эти укору и нападки очень часто бываю несправедливы, то внимательно выслушивать ихъ все таки нужно, хтя бы для того что бы по крайней мѣрѣ знать, въ чемъ обвиняетъ насъ интеллигенція и чего она хочетъ отъ насъ. Въ этомъ смыслѣ очень интереснымъ матеріаломъ является одинъ изъ послѣднихъ фельетоновъ извѣснаго талантливаго публициста г. Меньшикова носящій въ серіи его «Писемъ къ ближнимъ» подзаголовокъ „Исповѣдь“. (См. „Новое время“ № 10759).

Фельетонъ написанъ въ полубеллетристической формѣ, но въ рѣчахъ обвинителя духовѣнства—Рахметова слышатся мысли, которыя высказывались представителями интеллигенціи на петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ и которыя нерѣдко высказываются въ либеральныхъ органахъ свѣтской печати; а потому полу-беллетристическая форма фельетона не лишаетъ его широкаго общаго значенія въ смыслѣ вѣрой характеристики господству-

ющихъ среди интеллигенціи взглядовъ на современное пастырство и его задачи.

Фабула „Исповѣди“ очень не сложна. Студентъ Рахметовъ, атеистъ, горячій работникъ революціи, — потерявъ вѣру въ торжество своего дѣла и измучившись пережитыми волненіями, какъ и непрестаннымъ ожиданіемъ ареста и тюрьмы, — рѣшается покончить жизнь самоубійствомъ. Съ этою мыслью онъ безцѣльно бродитъ по улицамъ города, пока вниманіе его случайно не привлекъ огонекъ, свѣтившійся въ сумеркахъ наступающаго вечера передъ иконой Спасителя въ храмѣ. Этотъ огонекъ показался ему, продрогшему, почему-то милымъ, таинственнымъ и напомнилъ ему что-то смутное, что прошло. «И вдругъ дерзкая мысль пришла ему въ голову и оживила глаза. — Идетъ исповѣдь, — подумалъ онъ. — Скажу-ка я попу пару словъ“. Онъ вошелъ въ темный храмъ, гдѣ никого не было, кромѣ сторожа и нѣсколькихъ старушекъ въ углу. Узнавъ отъ сторожа, что священникъ въ алтарѣ, — Рахметовъ быстро входитъ туда и къ своему изумленію, въ показавшемся священникѣ узнаетъ товарища по гимназіи, Троицкаго, котораго послѣ окончанія гимназіи «потянуло въ свое болото, въ кутейники». Послѣ двухъ трехъ привѣтственныхъ фразъ священникъ, оправившись отъ впечатлѣнія неожиданной встрѣчи, обращается къ Рахметову серьезнымъ голосомъ: — Ты на исповѣдь? Тогда поклонись Господу трижды, собери въ себѣ все твое вниманіе, раскрой душу. Не передъ мной стоишь, — передъ Вѣчнымъ и Всевидящимъ...

— Постой, сердито прервалъ его Рахметовъ.

— Ты это оставь. На исповѣдь-то я на исповѣдь пришелъ, но только не себя хочу исповѣдовать, а тебя.

— Вася здѣсь не мѣсто...

— Нѣтъ именно здѣсь мѣсто. Если ты, делегатъ Божій хоть капельку вѣришь, что Вѣчный и Всевидяцій насъ слушаетъ, то и превосходно: въ Его присутствіи слушай и отвѣчай.

— Вася ради Бога... пойдѣмъ ко мнѣ лучше... Ради Бога...

— Нѣтъ, именно здѣсь. Я не зналъ, что ты здѣсь по-

помѣ, но гѣмъ лучше. Понимаешь, мнѣ некогда: сегодня я стрѣляюсь .. Значить, я ближе къ вѣчности, чѣмъ ты. И не тебѣ меня исповѣдывать, мнѣ тебя. Такъ вотъ что я тебѣ скажу. Ты честный человѣкъ, ты пошелъ въ попы по убѣжденію — не такъ ли? Скажи же—насъ никто не слышитъ—скажи передъ своею совѣстью,— не стыдно ли вамъ духовенству, передъ народомъ? Такъ таки нисколько не стыдно?

— За что?

— Будто не за что? Будто не за что? А? Ну, послушай же, что я тебѣ скажу, я, на смерть идущій. Вы об—ма—ну—ли на—родъ, вы, долговолосые! Вы подмѣнили ему Бога... Черезъ тысячу лѣтъ христіанства посмотрите какъ онъ нищъ и жалокъ, какъ онъ задавленъ рабствомъ, какъ измята его душа. Черезъ тысячу-то лѣтъ!“

Священникъ пытается было что-то возразить, но прерванный на полусловѣ, покорно и безпомощно умолкаетъ. Получается впечатлѣніе, что представителю духовенства и возразить-то въ сущности нечего: настолько брошенное обвиненіе непреложно. А вѣдь возразить можно и должно очень и очень многое, по меньшей же мѣрѣ хотя бы, напр., слѣдующее.

— Ты обвиняешь насъ въ томъ, что мы обманули народъ, что мы подмѣнили ему Бога... Но вѣдь ты взводишь на насъ самую злостную клевету. Я спрашиваю тебя: знаешь ли ты прежде всего народъ, о которомъ думаешь, что онъ сдѣлался жертвою нашего „обмана“? Пойди и присмотри къ нему ближе—и на тебя пахнетъ такой живительной теплотой дѣтски—нетронутой чистосердечной вѣры, отъ которой можетъ быть согрѣется и твое холодное сердце скептика. На протяженіи цѣлыхъ вѣковъ неумолкаемо раздавалась среди народа наша проповѣдь, можетъ быть, немощная, вялая проповѣдь—но посмотри, она все таки положила неизгладимую печать на весь духовный обликъ народа. Народъ всѣмъ существомъ своимъ воспріялъ святую, благодатную вѣру въ Живого Христіанскаго Бога—и эта вѣра тихимъ отблескомъ озаряетъ жизнь народа, примиряя его съ невзгодами, лишеніями, нуждою и открывая ему благословенный источникъ отрады и благодатныхъ утѣшеній. А то величаво прекрасное настроеніе, съ какимъ почти всегда встрѣчаетъ нашъ народъ послѣднюю минуту жизни—откуда

это настроеніе? Больше тебѣ скажу: измученный суровой борьбой за кусокъ хлѣба, народъ нашъ страстно жаждетъ святой довольной жизни, и одинъ призракъ возможности осуществленія этой мечты можетъ увлечь его очень далеко: но вотъ что достойно вниманія: въ сокровенныхъ глубочайшихъ уголкахъ народнаго сознанія вся эта захватывающая ежедневная суতোлка жизни затаенно мыслится, какъ нѣкій компромиссъ, какъ малодушная уступка плоти. Это характерная, можетъ быть, одному нашему народу присущая черта міросозерцанія! Некрасовскаго Власа ты назовешь, конечно исключительнымъ типомъ, но я скажу тебѣ, что въ основной идеѣ этого типа запечатлѣна душа нашего народа! Въдѣ въ самомъ дѣлѣ: вспомни наши народныя паломничества, вспомни наши народныя покаянныя моленія, которымъ отдается народъ съ такимъ глубокимъ, пламеннымъ порывомъ чувства... Итакъ, по какому же праву ты утверждаешь, что мы обманули народъ, что мы подмѣнили Бога? Можетъ быть, потому что христіанскія истины часто переплетаются въ народномъ сознаніи со всякими суевѣріями предразсудками и т. д.? Да, мы не сумѣли уберечь народъ отъ этихъ суевѣрій и предразсудковъ—и мы отвѣтственны за это; но это будетъ отвѣтственность не за обманъ, ибо не поселяли же мы въ народѣ этихъ суевѣрій преднамѣренно, а отвѣтственность—за небреженіе ввѣреннымъ намъ дѣломъ Божьимъ...

Ты говоришь что нашъ народъ нищъ и жалокъ, что душа его запачкана, измята... Это правда, и ты, можетъ быть, видишь „подмѣну“ Бога въ томъ, что духовенство какъ бы освящало религіей тотъ соціально-политическій строй, который привелъ народъ къ нынѣшнему состоянію духовнаго убожества, темноты и загрязненія святилища души народной? Но развѣ колесо исторіи управляется только духовенствомъ? И развѣ не боролось оно противъ регламента Петра, которымъ была подчинена церковь государству и этимъ парализована ея духовная свобода? На протяженіи почти всего XVIII столѣтія велась духовенствомъ глухая борьба за свободу церкви,—давшая такихъ бойцовъ, какъ, напр., Арсеній Мацѣвичъ, угасшій въ ревельской тюрьмѣ. Наконецъ, почему ты хочешь взвалить всю вину только на духовенство? Ты скажешь: „вы соль мира“... Да, по слову Нашего учителя—мы «соль мира», но въ тоже время мы и «плоть

отъ плоти, кость отъ кости» того же самаго общества, къ которому принадлежишь и ты; а если это общество передъ судомъ исторіи, оказывается далеко безупречнымъ, то какимъ же образомъ одно духовенство могло удержаться на особой, исключительной высотѣ? Несомнѣнно, велики наши прегрѣшенія, каемся, каемся въ нихъ; но все же ты клеветешь на насъ, когда говоришь, что мы подмѣнили Бога, ибо чистую вѣру въ Него, какъ драгоценную святыню, по днесъ донесла сквозь тьму и ужасы гоненій тѣлесныхъ и духовныхъ... И тѣмъ, кто хотѣлъ бы вытравить эту вѣру изъ существа народнаго духа и столкнуть народъ на путь Богоотступничества, мы по крайней мѣрѣ теперь, можемъ сказать: ваше дѣло безнадежно, ибо нашъ народъ хочетъ жить съ Богомъ и съ Именемъ Его на устахъ умереть.

Такъ и несравненно сильнѣе, убѣдительнѣе могъ бы отвѣтить интеллигенціи представитель духовенства, но авторъ не влагаетъ въ его уста даже и высказанныхъ совсѣмъ немудреныхъ мыслей. Впрочемъ и задача фельетона не обфлять, а наоборотъ обвинить духовенство.

Но обратимся къ дальнѣйшимъ рѣчамъ Рахметова.

— Возмутительно не то, что ты пошелъ въ священники, — продолжаетъ онъ, — а то, какъ ты и всѣ вы, молодежь поповская, какъ вы можете, какъ у васъ хватаетъ духу оставаться на мѣстахъ, ходить въ этихъ тряпкахъ изъ парчи, кадить и пѣть... теперь! Теперь когда народъ погибаетъ, когда совершается что-то необходимо великое, истинное, несомнѣнное! Вѣрите вы или не вѣрите въ Бога? Если не вѣрите, то само собой нѣтъ такого имени, которое бы для васъ достойно. Хуже предательства, хуже маклачества не сочинилъ бы дьяволъ. Но вѣдь ты, Коля, не такой, ты честный. Ты — баба, ты — идеалистъ. Значить, ты серьезно вѣришь этой чепухѣ, и многіе ваши — тоже. Но если вѣрить, то какъ не ужаснуться наконецъ, какъ не сорваться съ мѣста и не побѣжать на спасеніе гибнущихъ, а?.. Но что вы сдѣлали съ посланничествомъ Божьимъ?.. Все дѣйствующее въ словахъ вы вынули. Осталось что-то для слуха, но не для души. Неужели вы не замѣчаете, что вы выдохлись? Неужели для тебя, умнаго человѣка, не ясно, что храмъ давно превратился въ театръ, что религія подмѣнена эстетикой и волшебствомъ?

Высказанныя мысли заслуживаютъ того, что бы на нихъ остановиться. Неудивительно, если интеллигенція, которая хочетъ видѣть въ религіи одно лишь нравственное ученіе, приходитъ къ выводу о полной ненужности обрядовъ, священныхъ дѣйствій—словомъ всего, что составляетъ, такъ сказать, внѣшнюю сторону религіи. Но вотъ что удивительно: почему интеллигенція, отстаивая право вѣрить человѣку такъ, какъ ему совѣсть велитъ,—не хочетъ быть послѣдовательной и признать за человѣкомъ право и свободно пользоваться въ религіи всѣмъ тѣмъ, что, по его религіозному опыту, способно пробуждать, оживлять, усиливать его религіозное чувство. Да и почему она находитъ наконецъ, что храмъ давно уже превратился у насъ въ театр? Правда, въ допетровскую эпоху было у насъ пещное дѣйство—эта своеобразная мистерія, исполнявшаяся въ храмѣ въ лицахъ въ воспоминаніе вверженія въ пещь трехъ отроковъ—друзей Даниила; былъ въѣздъ патріарха на осляти; остался и теперь чинъ умовенія ногъ въ страстной четвергъ, выносъ плащаницы, шествіе съ ваіями, воздвиженіе креста и многое другое; есть пѣніе, церковная живопись и т. д.—но утверждать, что все это замѣнило для народа религію значить совершенно не знать религіознаго міросозерцанія народа. Для послѣдняго храмъ не только училище благочестія, но и благодатный источникъ высокихъ, религіозныхъ переживаній;—и если бы интеллигенція превратила нашъ храмъ въ кирху съ каедрой христіанской морали,—народъ не удовлетворился бы такимъ храмомъ. Наконецъ, едвали можно отрицать и тотъ фактъ, что въ циклъ святѣйшихъ идей христіанства входитъ и моментъ эстетики,—и когда въ VIII вѣкѣ возникла иконоборческая ересь, то противъ нея грозно ополчился патріархъ Тарасій и затѣмъ седьмой вселенскій соборъ, которымъ и была окончательно отвоевана *святая свобода эстетики*. Народъ нашъ всей душой возлюбилъ въ религіи эстетику, но совершенно не тѣмъ чувствомъ, съ какимъ театраль любитъ сценическое искусство. Эстетика *не замѣняетъ* народу религію, но *приближаетъ* его къ ней, религіозно *вдохновляетъ* его. И было бы большою ошибкой думать, что внѣшняя сторона религіи нужна только для младенцевъ въ вѣрѣ и для неразвитыхъ умомъ. Нѣтъ, значеніе ея признается даже тою частью интеллигенціи, ко-

торая хочет отыскать въ религіи нѣчто большее, чѣмъ одну только нравственную доктрину. Такъ напр., извѣстный религіозный мыслитель Розановъ, по своимъ взглядамъ ближе стоящій къ „новохристіанствующей“ интеллигенціи, чѣмъ къ церкви,—восторженно призываетъ убирать религію, какъ возлюбленную невѣсту, благовоніями, красками, цвѣтами, камнями, металлами и художествомъ живописнымъ, архитектурнымъ, пѣвческимъ.

Но самая главная вина, которая тяготѣетъ на духовенствѣ въ глазахъ интеллигенціи, заключается въ слѣдующихъ словахъ Рахметова: «Есть ли у васъ хоть капля вѣры, какъ вы не замѣтили, что священство отошло отъ васъ? Что оно вмѣстѣ съ духомъ Божіимъ посѣщаетъ людей, враждебныхъ церкви, какъ я, напримѣръ? Да, мы—нищие рабочіе, охваченные тоской по правдѣ, мы бѣдные студенты, курсистки, народные учителя, люди всякаго званія, для которыхъ невтерпѣжъ стало нравственное безобразіе жизни, мы освящены болѣе, чѣмъ вы. Мы сострадаемъ; вы—нѣтъ. Мы волнуемся и горимъ, мы тревожимся за правду; вы—нѣтъ. Мы—не всѣ, но многіе изъ насъ идутъ на крестъ. Вы же только цѣлуете крестъ, даете ему «цѣлованіе»... Скажи, слышалъ ли ты хоть объ одномъ священникѣ, погибшемъ, отстаивая правду Божью?»

Привзаніе священника, по взгляду Рахметова, должно состоять въ раскрытіи правды Божіей на землѣ: „Иди на явный неуспѣхъ, на насмѣшки, на поруганіе, на мученичество, одно знай—иди. И мученичество, и смерть доказываютъ не гибель дѣла, а торжество. Чтобы основать царство человѣческое, нужны побѣды и жертвы,—неужели же для того, чтобы нравственно завоевать міръ, можно обойтись безъ утомленія, безъ ранъ и смерти?..

Пойми, голубчикъ, что я хочу сказать. Замыселъ Христа былъ по истинѣ великъ, и апостолы поняли его, и если бы за мучениками христіанства, за этой небольшой для такого гигантскаго дѣла арміей убитыхъ въ человѣчествѣ нашлась бы другая армія, третья, четвертая, десятая—побѣда христіанства была бы полная и окончательная. Продержись мученичество еще два—три столѣтія, міръ увѣрю тебя, былъ бы совсѣмъ иной. Мы были бы по ту сторону хребта, въ царствіи Божіемъ. Теперь же едва начатый тун-

нель заброшенъ, т. е. по привычкѣ въ немъ все еще копошатся, дѣлають жесты, командуютъ—точно на самомъ дѣлѣ бьютъ камень—но въ дѣйствительности же это только жесты и фразы,...

Высказанныя обвиненія распадаются на двѣ части, Одни изъ нихъ касаются уклоненія духовенства вообще отъ своего истиннаго, апостольскаго призванія—глаголомъ жечь сердца людей, освѣщая жизнь свѣтомъ евангельской любви и правды и ведя упорную, неослабѣвающую борьбу съ развѣдающимъ мѣръ нравственнымъ зломъ, не останавливаясь въ этой борьбѣ даже передъ подвигомъ мученичества. Эти обвиненія должны остаться на насъ во всей своей тяжести, ибо «чимъ оправдимся?» Только одно можно противопоставить имъ: искреннее признаніе своей виновности, своего „окаянства“. Другія обвиненія, возникая на этой же самой почвѣ, носятъ свой особый оттънокъ, навѣянный особымъ исключительнымъ моментомъ переживаемаго времени. Они выдвигаютъ уже теперь нѣсколько пристарѣвшійся, но все еще острый и жгучій вопросъ объ отношеніи пастырей церкви къ общественно-политической жизни. Несомнѣнно, интеллигенція охотно бы заключила временное примиреніе съ духовенствомъ, если бы послѣднее, въ союзѣ съ ней, самоотверженно, рѣшительно, съ воодушевленной христіанской проповѣдью выступило на борьбу съ нынѣшнимъ, соціально-политическимъ строемъ государства. Но купить такую цѣною примиреніе съ интеллигенціей значило бы продать «первородство Исава» за „чечевичную похлебку,“ ибо за что борется интеллигенція? За осуществленіе правды Божьей на землѣ? За евангеліе? Нѣтъ, она борется за свои политическіе идеалы, за лучшее устроеніе гражданскаго счастья; она, можетъ быть борется и за правду (допустимъ это) но за правду условную, временную, человѣческую; Христова же правда мирно уживается со всякими формами политической жизни, будь то монархія или республика, — и всякія поштыки доказать несомнѣстимость христіанства съ неограниченнымъ самодержавіемъ (еп. Антонинъ) или съ конституціоннымъ правленіемъ (Феофанъ Прокоповичъ и мн. др.) представляютъ собой однѣ схоластическія потуги. Отсюда ясно опредѣляется отношеніе духовенства къ политикѣ; оно не можетъ и не должно принимать на себя прямую, такъ сказать, спеціальную задачу составлять со-

бой оппозицію правительству или врагамъ правительства, ибо для церкви нѣтъ ни сильныхъ міра, ни слабыхъ, нѣтъ побѣдителей и побѣжденныхъ; но въ то же время духовенство, если оно хочетъ быть вѣрнымъ завѣтамъ Христа, должно смѣло обличать всякое нарушеніе великихъ евангельскихъ законовъ, *иначе бы* это нарушеніе не совершалось. Съ этой точки зрѣнія не являются „исповѣдниками“ и „мучениками“ священники, пострадавшіе за участіе въ такъ называемомъ „освободительномъ“ движеніи, хотя, можетъ быть, это были люди, дѣйствительно горѣвшіе ревностью о правдѣ; но такими «исповѣдниками и мучениками» являются въ нѣкоторой степени харьковскіе и др. священники, пострадавшіе за то, что имѣли мужество возвысить голосъ противъ смертной казни; но возставало ли духовенство во всей своей массѣ противъ явнаго попранія великихъ, вѣчныхъ, нравственныхъ законовъ? Да, возставало, когда это попраніе совершалось «слабыми,» „побѣжденными“, но современная дѣйствительность не воскресила въ служеніи пастырскомъ даже смутной тѣни величественно-прекрасныхъ образовъ: Златоуста, умалишаго императора Θεодосія пощадить антиохійскихъ бунтовщиковъ; Филиппа, смѣло обличавшаго oprичнину...

Однако, при всемъ сознаніи грустнаго несоотвѣтствія наличнаго пастырства съ его идеаломъ, духовенство не можетъ признать законность того требованія, которое слышится со стороны интеллигенціи по отношенію духовенства. Излагаемъ это требованіе или, лучше сказать, желаніе интеллигенціи словами Рахметова:

«Я хочу того, чего Христосъ хотѣлъ... Много это, но уступить нельзя. Это требованіе куплено дорогой цѣной. Я хочу, чтобы вы, священники, вспомнили, что такое вы въ этомъ мірѣ и зачѣмъ посланы: Я хочу, чтобы *слабые оглядывающіеся назадъ, ушли изъ священства*: кто ихъ неволить? Пусть откроютъ табачную лавочку; пусть садятъ огурцы. Въ апостольскомъ призваніи должны остаться только истинные апостолы, понимаешь?—т. е. *тѣ которые рѣшили кончить мученичествомъ*. Да не меньше! И вотъ оставшіеся—по слову Христа—пусть не берутъ себѣ посоха и сумы. Пусть идутъ по замороженной дьяволомъ землѣ и будятъ человѣчество! Пусть голосъ ихъ гремитъ пророчески пусть онъ будетъ обличителенъ ии безпощаденъ, какъ у

Иліи, Ісаіи, Іоанна Крестителя, какъ у Христа и Его посланниковъ. Пусть возстановится эта древняя благородная миссія на землѣ. Пусть отъ имени всего вѣчнаго и священнаго попы выступять въ походъ противъ одолѣвшаго народъ нашъ духа зла“...

Желаніе интеллигенціи вполне понятно, но мы въ правѣ спросить: о комъ она хлопочеть? О себѣ? Но вѣдь мы не нужны для нея вовсе или же нужны не больше, какъ всякій проповѣдникъ «правды» изъ студентовъ, курсистокъ и т. д. О народѣ? Но тогда по какому праву она говоритъ отъ имени народа? Вѣдь для народа нужны не только огненные проповѣдники Божьей правды, но и по вѣрѣ его— тайно-совершители во спасеніи душъ. Видитъ и знаетъ народъ наши немощи, но эти немощи срастворяются въ его великой вѣрѣ въ святость и высоту пастырскаго служенія. Мы нужны нашему вѣрующему народу и до тѣхъ поръ, пока на смѣну немощнаго пастырства не явится новое крѣпкое и сильное, мы не можемъ и не должны оставить милліоны братьевъ и сестеръ нашихъ во Христѣ безъ благодатныхъ утѣшеній, проливающихся въ душу народную изъ таинственнаго родника нашихъ христіанскихъ упованій. Явится ли это желанное пастырство? Вѣримъ, что и для сего наступять «времена и сроки»!

Свящ. М. Короповъ

Нужно ли выборное начало въ духовенствѣ.

(Отвѣтъ священнику П. Х-ѣ).

Теперь только и рѣчи, что о церковныхъ реформахъ, лишь только стануть говорить о церкви и ея служителяхъ. Толкуютъ о реформахъ и въ обществѣ и въ печати; все наперерывъ спѣшатъ указывать недостатки церковно-общественной жизни, предлагая проекты реформъ. Сужденія объ этомъ бывають нерѣдко непродуманныя и скороспѣлыя; да оно и неудивительно, въ реформаціонной горячкѣ нѣтъ времени для обдумыванія, это молъ, дѣло холоднаго бюрократизма, а тутъ надо быть во власти момента. Моменту или

впечатлѣнію теперь отводится широкое мѣсто, а что онъ увлекаетъ съ праваго пути, до этого радѣтелямъ общественнаго блага, кажется, нѣтъ никакого дѣла. Никакая сторона государственнаго строя или жизни общественной не можетъ пожаловаться на забвеніе ея людьми, желающими стяжать славу „передовыхъ“, или по крайней мѣрѣ, не отстать отъ нихъ. А церковно-приходская жизнь и тѣмъ болѣе не забыта теперь. Если она и была почему либо забыта раньше, то это забвеніе теперь искуплено современнымъ многоглаголаніемъ о ней.

Дать отчетъ во всемъ томъ, что писано о реформахъ церковно-приходской жизни было бы слишкомъ утомительно и трудно по той массѣ матеріала накопленнаго сразу и подъ вліяніемъ момента. Критическая оцѣнка его и не входитъ въ мою задачу, которая слишкомъ скромна. Считаая себя некомпетентнымъ охватить сразу всѣ стороны церковно-приходскаго строя, я скажу лишь о выборномъ началѣ въ духовенствѣ, да и то не по поводу всей литературы этого вопроса, а по поводу статьи священника о. П. Х-ы, какъ отвѣтъ ему на его мечты и пожеланія, наведшія меня на нѣкоторыя размышленія, которыми чрезъ посредство епархіальнаго органа я и спѣшу подѣлиться съ своими собратьями-пастырями.

Въ Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (№ 5-й сего 1906 года) священникъ о. П. Х-а въ своей статьѣ „О выборномъ началѣ въ духовенствѣ“ является горячимъ сторонникомъ этого выборнаго начала.

Посмотримъ насколько справедливы его доводы.

Въ началѣ своей статьи о. П. Х-а говорить, что вопросъ о церковной реформѣ затронулъ интересы духовенства, которое стало обсуждать на собраніяхъ и въ печати. Авторъ беретъ вопросъ о выборѣ приходомъ клира и сѣтуетъ, что этотъ вопросъ рѣшаемъ былъ неоднаково и что многіе высказались противъ выборнаго начала. Обращаясь къ своей епархіи, онъ указываетъ на Роменское собраніе духовенства бывшее 3 января сего года, высказавшееся, какъ и другія собранія епархіи, по поводу этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ. Основаніемъ такого рѣшенія послужило опасеніе произвола со стороны народа мало развитаго и невѣжественнаго еще.

Наши „передовые“ люди когда хотят провести глубже свои идеи, обращаются часто къ народу, и, объявляя его сбросившимъ съ себя оковы невѣжества, кричатъ о его высотѣ, потому что онъ слѣдуетъ за „передовиками“ въ „освободительномъ“ движеніи, хотя и не сознавая того куда идетъ. Этою уловкою пользуется и авторъ. „Если бы опасенія почтеннѣйшихъ отцовъ собранія оправдались, говорить онъ, то выборное начало принесло бы только громадный вредъ дѣлу церкви“. Онъ слишкомъ увѣренъ, что эти опасенія напрасны и считая мнѣніе почтеннѣйшихъ отцовъ „нелестнымъ“ для народа имъ идеализируемаго, приводитъ будто бы фактъ противорѣчія духовенства самому себѣ. Тоже Роменское духовенство признало участіе мірянъ въ пастырскихъ собраніяхъ духовенства съ равнымъ правомъ голоса. Почему же оно не довѣряетъ приходу выбирать себѣ клиръ, разъ оказываетъ довѣріе выборному отъ прихода на собраніяхъ. Авторъ опасается за неловкое положеніе въ которое попадетъ Роменское духовенство, когда въ слѣдующемъ собраніи, въ которомъ, быть можетъ, примутъ участіе и міряне, рѣшится вопросъ о выборномъ началѣ въ утвердительномъ смыслѣ. Ручаться за результатъ будущаго собранія преждевременно и если раньше почти единогласно, какъ увѣряетъ авторъ, было признано необходимымъ выборъ благочинныхъ, и если въ свои собранія духовенство допустило и мірянъ съ равнымъ правомъ голоса, то это еще не значитъ, что надобно народу выбирать и клиръ.

Напрасно думаетъ авторъ, что народъ безошибочно отличаетъ худое отъ хорошаго, что онъ достаточно развитъ и „не такъ ужъ грубъ“. Нѣтъ слова, нѣкоторыя грубыя черты его сгладились, но событія послѣднихъ дней, когда толпа подъ вліяніемъ момента совершала почти по всей необъятной нашей матушкѣ Россіи свои дикіе подвиги, краснорѣчиво говорятъ намъ, какъ народъ нашъ умѣетъ отличать худое отъ хорошаго.

Если народомъ, какъ орудіемъ, пользуются теперь, такъ называемые „люди освободительнаго движенія“, то почему тогда, при существованіи выборнаго начала клира, они не воспользуются, чтобы удалить съ прихода пастыря, который мозолить имъ глаза? Надо надъ этимъ подумать и тогда отдаться въ зависимость народа. Никто не спорить, что

народъ умѣетъ любить своихъ пастырей и напрасно авторъ хочетъ упрекнуть что, молъ, напрасно думаютъ, что народъ не цѣнитъ священника. Я думаю, никто не станетъ спорить съ этимъ и вполнѣ согласится съ тѣмъ фактомъ, на который указываетъ авторъ, фактомъ привязанности пасомыхъ къ своему пастырю, заставляющей ихъ въ случаѣ перевода его на другое мѣсто посылать къ начальству депутацію съ просьбой оставить имъ ихъ добраго батюшку. Когда начальство не принимаетъ просьбъ ихъ, они со слезами провожаютъ священника. Ихъ любовь простирается до того, что они и послѣ смерти такого священника поминаютъ его.

Фактъ не новъ. Онъ можетъ доказать лишь то, что и при отсутствіи выборнаго начала народъ уважаетъ своего духовнаго наставника. Правда, вся суть любви паствы къ пастырю въ самомъ пастырѣ, но авторъ впадаетъ въ крайность утверждая, что выборное начало не будетъ страшно священникамъ, если они заслужатъ любовь къ народу. Въ этихъ словахъ кроется рецептъ подлаживанія къ народу. Недоумѣваешь право, зачѣмъ заставляютъ священника лебезить предъ народомъ! Какъ будто теперь онъ не заслужилъ уваженія и любви! Напрасно авторъ прикрашиваетъ будущее положеніе вещей. Теперь священникъ можетъ считать свое положеніе болѣе прочнымъ въ приходѣ, чѣмъ тогда. И кулакъ-міроѣдъ не ступуется тогда, и если захотятъ темныя силы, то приходъ укажетъ своему пастырю путь-дорогу отъ себя, какъ во времена былыя народное вѣче указывало такимъ же образомъ путь-дорогу неугоднымъ себѣ князьямъ.

„На насъ смотрятъ въ большинствѣ случаевъ какъ на самозванцевъ“, говоритъ авторъ. Кажется возмутительнѣе этихъ словъ не можетъ быть. Какіе же мы самозванцы? Мы самимъ Господомъ поставлены чрезъ рукоположеніе святительское пасти церковь. Не народъ править церковью, а Епископъ, мы благодать приняли не отъ народа, а отъ епископа. Неужели же мы должны, оставя службу Богу угождать міру и страстямъ его? Да не будетъ сего! Мы не отъ народа приняли хиротонію и что народъ худого скажетъ о насъ, если видитъ насъ впервые переступающими порогъ того храма, въ которомъ мы должны будемъ начать дѣло своего великаго служенія? Много ли автору пришлось

видѣть такихъ приходоѡъ, гдѣ народъ при первой встрѣчѣ пастыря заявляетъ ему, что онъ для него нежелателенъ? А если и пришлось видѣть, то не дѣйствовала ли тутъ темная сила кулачества, не проники ли это личныхъ недругоѡъ!... А если насъ выберетъ народъ, то тогда лишь мы не будемъ самозванцами? Наивныя мысли.

Рѣшая просто то, что въ сущности не такъ просто, авторъ ставитъ вопросъ о каноничности выборнаго начала и храбро заявляетъ, что этотъ вопросъ рѣшенъ—оно канонично. Съ вопросомъ о каноничности надо обращаться не такъ легко; это вещь, требующая осторожности, и не всякій можетъ считать себя въ рѣшеніи этого вопроса компетентнымъ. Я же съ своей стороны позволю лишь автору привести 13-е правило Собора Лаодикійскаго, которое прямо говоритъ, что „да не будетъ позволяемо сборищу народа избирати имѣющихъ произвестися во священство“.

Авторъ дѣлаетъ оговорку, что надо выработать форму выборнаго начала, дабы ограничить произволь. Говоря такъ горячо о выборномъ началѣ, порицая опасеніе произвола, онъ самъ съ собою впадаетъ въ противорѣчіе и заговариваетъ о произволѣ. Такая непослѣдовательность въ сужденіяхъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что въ представленіи о выборномъ началѣ непремѣнно коренится представленіе о произволѣ, какъ бы не оправдывали резонность этого начала.

Да иначе и не могло быть. Допустить участіе мірянъ въ собраніяхъ духовенства это вовсе не то, что допустить весь народъ къ выбору себѣ клира. Въ депутаты на собраніе духовенства отъ прихожанъ выберутся лучшіе толковыя члены; въ выборѣ же клира долженъ участвовать весь приходъ, въ которомъ, какъ и во всякой общинѣ, во всякой корпораціи, не одни только хорошіе, но и дурныя члены. Можетъ быть, что послѣднихъ и будетъ больше, чѣмъ первыхъ. Чѣмъ будутъ руководствоваться они, выбирая себѣ священника? Не выберутъ ли они его за ведро или два водки, которыя онъ не пожалѣетъ поставить, зная, что расходы его возмѣстятся на богатомъ приходѣ съ лихою? Не будетъ ли конкурса въ этомъ отношеніи, не будетъ ли много претендентовъ на приходъ?

Приходу нельзя поручить, по моему мнѣнію, не только

выбора священника, но и выбора низшаго клира—діаконовъ и псаломщиковъ. Еще теперь нѣтъ выборнаго начала, да и то, что иной разъ творится въ приходѣ. Я знаю примѣръ, когда псаломщикъ употреблялъ большія усилія подладиться къ прихожанамъ, и, пользуясь недовольствомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на своего священника, принималъ участіе въ агитаціи противъ него. Онъ настолько успѣлъ, что хвалился и вполне правдоподобно, что прихожане въ случаѣ надобности постоятъ за него, а посему можетъ онъ нисколько не считаться съ мнѣніемъ своего священника, что онъ одинъ только желателенъ для прихожанъ, которые не пожелаютъ имѣть другого клирика кромѣ него, а если будетъ выборное начало, то несомнѣнно его выберутъ и священникомъ. Агитацію свою онъ велъ и противъ остальныхъ членовъ клира, подрывая ихъ авторитетъ всячески какъ только можно въ приходѣ. Что же будетъ при выборномъ началѣ? Тогда такіе господа гордо подымутъ голову, и кто поручится, что они не побѣдятъ. Выживая своихъ сослуживцевъ теперь подъ маской добродѣтели, они тогда широко поставятъ дѣло.

Нѣтъ, нашъ народъ не подготовленъ нисколько къ выборному началу. Нѣтъ страшнѣе бѣдствій для него какъ то, что реформы наши, остающіеся пока въ проектахъ, слетѣли къ нему внезапно, какъ на голову. Это сознаютъ потомъ и сами ревнители скороспѣлыхъ реформъ, такъ усердно предлагающіе теперь свои проекты. Вѣдь пастырь долженъ быть учителемъ своихъ пасомыхъ. Онъ долженъ говорить имъ, не стѣняясь ни богатыхъ, ни знатныхъ одну только правду. Каждое слово его должно имѣть незыблемый авторитетъ. А посему онъ и долженъ быть поставленъ въ условія, исключаяющія всякую зависимость его отъ тѣхъ, кого учить. А этой зависимости никакъ нельзя избѣжать при выборномъ началѣ. О. П. X-а даетъ совѣты пастырямъ объ ихъ нравственномъ усовершенствованіи; но эти совѣты не новы и общеизвѣстны. Лучшимъ совѣтомъ пастырямъ по моему мнѣнію будетъ совѣтъ стараться быть независимымъ отъ своихъ пасомыхъ, чтобы быть на должной высотѣ.

Священникъ о. П. X-а такъ увѣренъ въ выборномъ началѣ, что совѣтуетъ пастырямъ идти на встрѣчу ему, а если они будутъ противиться, а это начало войдетъ въ жизнь помимо ихъ, то они много потеряютъ отъ этого.

Угроза эта такъ и останется угрозою, не относящеюся къ пастырямъ, стоящимъ на должной высотѣ, которымъ выборное начало не прибавить авторитета. Оно кромѣ вреда не принесетъ ничего равно. Какъ призывъ встрѣтить съ ликованиемъ выборное начало, такъ и угроза въ случаѣ сопротивленія ему, остаются пустымъ звукомъ. Статья священника о. П. Х-ы оставляетъ одно недоумѣніе. Его взгляды не провѣрены; онъ не вдумался хорошенько въ процессы жизненныхъ явленій. Его мнѣніямъ жизнь могла бы противопоставить массу фактовъ совершенно противоположныхъ.

Вотъ почему большинство Русскихъ Архипастырей, какъ видно изъ напечатанныхъ до сихъ поръ въ прибавленіяхъ къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“ ихъ отзывы, высказалось противъ выборнаго начала. И совѣщаніе духовенства Полтавской епархіи, бывшее въ Ноябрь мѣсяцѣ 1905 года въ г. Полтавѣ подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Іоанна, постановило, что „выборное начало въ настоящее время при современномъ состояніи сельской приходской общины, въ которой преобладаютъ элементы неразвитаго и мало освѣдомленнаго въ религіозномъ отношеніи крестьянства, въ полномъ объемѣ неосуществимо“, т. е. почти тоже самое, что постановило и Роменское собраніе духовенства, отрицательное постановленіе котораго относительно выборнаго начала, такъ не понравилось священнику о. П. Х-ѣ.

Священникъ *Іоаннъ Богацкій*.

1906 года
Февраля 27 дня
м. Вороньковъ
Переяславск. уѣзда.

Переяславская семинарія въ первыя 47 лѣтъ своего существованія (1738—1785 г.г. *).

Учредительная хартія Св. Синода—„Духовный Регламентъ“ сыгралъ важную роль въ исторіи возникновенія

*) Настоящая историческая замѣтка, читанная 19 марта въ засѣданіи Полтавской ученой архивной комиссіи, составлена по даннымъ архивовъ—Св. Синода и консисторій Кіевской и Полтавской; данныя эти частію были уже опубликованы мною на страницахъ «Кіевской Старины» и «Полтав. Епарх. Вѣдомостей», частію же появляются въ печати впервые. Огрывочность добытыхъ свѣдѣній помѣшала намъ систематизировать данный матеріаль.

ны лишь два префекта: въ 1753—54 учебномъ году о. Терлецкій (неизвѣстно—какъ имя его, такъ и то, былъ-ли онъ священникомъ или монашествующимъ) и въ 1756—57 учебномъ году іеродиаконъ Іоиль *).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Церковно-историческое и статистическое описаніе Алекса́ндро-Невской церкви и прихода села Се- редняковъ, Гадячскаго уѣзда, Полтавской епархіи.

(Окончаніе).

Во вторникъ съ утра опять собираются все́ родственники и все́ тѣ, кто гулялъ на свадьбѣ, въ домъ жениха „молотить жито“. При этомъ происходитъ шуточный договоръ о платѣ за молотьбу; гостямъ даютъ по чаркѣ, простилаютъ по среди хаты рядна, вынимаютъ изъ за сволоковъ и полокъ пучки невымолоченнаго жита и начинаютъ все́ мужчины и женщины палками молотить на ряднахъ жито.

По окончаніи молотьбы, начинаютъ вымолоченное зерно, мѣрять наперстниками или сложенной въ видѣ чашки ладонью, а такъ какъ сыпать зерно оказывается некуда, то, шутя, начинаютъ сыпать зерно другъ другу за пазухи. Вносятъ затѣмъ въ хату „лежень“—большой калачъ и „рясный калачъ“, привезенный вмѣстѣ съ невѣстой, и раздѣляютъ ихъ между все́ми присутствующими, подавая каждому по куску на тарелкѣ.

Послѣ этого въ одномъ или нѣсколькихъ домахъ устраивается складчина, куда каждый изъ участниковъ приносить: то бутылку водки, то—какую нибудь закуску, и приглашаютъ на складчину отца и мать жениха. Это называется: „зазовы“.

Въ тотъ же день опять собираются все́ въ свадебный домъ съ тѣмъ, чтобы вести „продавать батька и матирь“. Для этого молодая одѣваетъ свекровь въ свою лучшую одежду. Надѣваетъ ей свое монисто и даетъ ей свои крас-

*) О. Іоиль впоследствии былъ кафедральнымъ писаремъ при Переяславской архіерейской кафедрѣ, а затѣмъ игуменомъ Золотопоискаго Красногорскаго монастыря Переяславской епархіи.

ные сафьянные сапоги. Свекоръ ея поверхъ одежды надѣваетъ привезенную ему въ подарокъ отъ невѣсты сорочку и затѣмъ съ музыкой всѣ, кромѣ молодыхъ, идутъ къ винной лавкѣ „продавать батька и матирь“.

Въ домѣ невѣсты такимъ же образомъ собираются, молотятъ жито, дѣлятъ одинъ большій калачъ, называемый „лежень“, а другой оставляютъ на субботу, пьютъ также какъ и въ домѣ жениха, послѣ молотбы могоарычъ, устраиваютъ складчину и „зазовы“, послѣ чего опять собираются въ домъ невѣсты, откуда ведутъ то—же къ винной лавкѣ „продавать батька и матирь“. Суббота есть заключительный день свадебныхъ торжествъ. Въ субботу молодые, также отецъ и мать молодого съ близкими родственниками идутъ въ домъ невѣсты, которая собираетъ къ себѣ весь родъ свой.

Когда всѣ соберутся, садятся за столъ, пьютъ по чаркѣ водки и закусываютъ. Въ это время вносятъ остальной большой свадебный калачъ, называемый лежень, который разрѣзываютъ на куски и каждому гостю подносятъ на тарелкѣ кусокъ калача.

Потомъ молодые подчуютъ по очереди гостей, такъ-же какъ и въ понедѣльникъ и тѣ родственники, которые не даровали молодыхъ въ понедѣльникъ и въ „перезву“ не ходили, теперь даруютъ молодымъ деньги или что н. изъ хозяйства, а женщины, кромѣ мелкихъ денегъ, даютъ платно и платки. Послѣ этого подается обѣдъ, состоящій изъ неизмѣнныхъ блюдъ.

Послѣ этого идутъ въ домъ молодыхъ дѣлить остальной калачъ „лежень“. Все происходитъ также какъ и у невѣсты, послѣ чего ужинаютъ и расходятся по домамъ.

Обряды и обычаи при похоронахъ. Умершаго пожилая женщины обмываютъ и одѣваютъ; ноги его обвертываютъ полотномъ или чистой ветошью и связываютъ на время ленточкой что-бы не разошлись въ стороны, а потомъ когда ноги закоченѣютъ, ленточку снимаютъ и сохраняютъ, какъ цѣлебное средство. Если у кого нибудь заболитъ рука или нога, то этой ленточкой перевязываютъ больное мѣсто, что-бы замерла боль. Умершаго подпоясываютъ поясомъ, но неодинаково: людей не состоящихъ въ бракѣ, стариковъ и старухъ, а также вдовыхъ подпоясываютъ поясомъ, кото-

рый и завязываютъ два раза узломъ; а если умретъ замужняя молодая женщина, оставляющая супруга, или молодой женатый мужчина, послѣ котораго остается молодая вдова, то умершему или умершей поясъ не завязываютъ узломъ, для того что-бы остающійся вдовецъ или вдова, вступивши въ новый бракъ, не были бездѣтными. Отъ пояса отдираютъ въ длину половину и этимъ обрывкомъ послѣ выноса тѣла завязываютъ въ глухомъ концѣ всѣ ворота, какія имѣются во дворѣ. Къ поясу умершаго прикрѣпляютъ платочекъ съ мѣдными деньгами. Умершаго затѣмъ кладутъ на лаву, а ребенка—на столъ; въ руки ему вкладываютъ восковой крестъ, который тутъ-же и вылѣпляется изъ воска, и покры аютъ намиткой или кускомъ марли.

Обрядивши умершаго, моютъ руки, кадятъ ладаномъ, молятся Богу о упокоеніи души и затѣмъ, прикладываясь къ тѣлу покойника, просятъ у него прощенія за то, что при обмываніи и одѣваніи, быть можетъ, неосторожнымъ движеніемъ помяли руку или ногу умершаго. Около покойника на окнѣ ставится въ стаканчикѣ вода, которую, послѣ погребенія, выливаютъ въ какомъ либѣ непопираемомъ мѣстѣ. На столѣ ставятъ коливо—разведенный водой медъ.

Потомъ бабы сейчасъ—же пекутъ коржи. Всѣ пробуютъ коливо и ѣдятъ коржи съ медомъ и макомъ. Все время на столѣ горитъ восковая свѣча и ктонибудь читаетъ псалтирь.

При выносѣ тѣла раздаютъ маленькія восковыя свѣчи, такъ называемыя „проводники“, а потомъ когда тѣло уже положить во гробъ, эти свѣчи собираютъ и прилѣпляютъ въ гробъ къ стѣнкѣ, гдѣ покоится голова умершаго. Какъ только гробъ съ покойникомъ вынесутъ изъ хаты, сейчасъ-же ктонибудь беретъ сосудъ съ зернами жита и вслѣдъ выносящихъ сыпетъ горстями это жито на крестъ въ хатѣ, въ сѣняхъ и во дворѣ.

Въ прежнее время былъ обычай, по уходѣ, похоронной процессіи, сейчасъ-же разбивать въ хатѣ объ двери сосудъ, обыкновенно небольшой горшокъ, изъ котораго посыпали жито. Это дѣлалось для того, что-бы не опустѣлъ дворъ, что-бы никто уже не умиралъ, что-бы вообще всякая грядущая бѣда прекратилась въ домѣ съ разбитіемъ этого сосуда. Этотъ обычай оправдывался народной поговоркой; „не одна бѣда приходитъ“. Но въ настоящее время, благодаря

умственному развитію, этотъ обычай уже не практикуется; равно какъ выходить изъ употребленія обычай завязывать ворота обрывкомъ пояса, которымъ подпоясанъ покойникъ. При выносѣ тѣла, всѣ выходятъ изъ хаты, выносятъ на это время даже больныхъ. Вслѣдъ за тѣломъ несутъ и постель, на которой лежалъ умершій, и кладутъ гдѣ нибудь внѣ хаты.

Когда похоронная процесія удалится, остающіеся дома возвращаются въ хату не иначе, какъ переступивши нарочито положенный на порогъ остріемъ въ хату топоръ. Оставшіеся дома сей часъ-же принимаются за уборку хаты, вымываютъ лавки и всю мебель, выметають соръ и выносятъ, такъ какъ пока мертвецъ—въ хатѣ, хаты не метутъ и сора не выносятъ. Гробъ опускають въ могилу на канатахъ, а нѣкоторые для этого приносятъ длинныя полосы бѣлаго холста, который, послѣ погребенія, тутъ-же около ямы, разрѣзываютъ на части, и даютъ потрудившимся при погребеніи людямъ, копачамъ, которые копали яму, мастерамъ, дѣлавшимъ гробъ и тѣмъ, которые несли гробъ.

На выносной крестъ процессіи обыкновенно навѣшивается узорный рушникъ, который потомъ поступаетъ въ пользу церкви; на древки хоругвей и креста навязываютъ платки или хустки, которыя поступаютъ въ пользу того, который несетъ хоругвь и крестъ; на крышку гроба небольшой отрѣзъ холста, нары или носилки, на которыхъ несутъ гробъ, иногда застилаются скатертью. Копачи, мастера дѣлающіе гробъ и тѣ, которые, несутъ гробъ до могилы, получаютъ по хусткѣ или по платку. Денегъ они за свои труды не берутъ.

Когда возвратятся отъ гроба, то хозяинъ и хозяйка обязательно должны, входя въ хату, переступить черезъ топоръ, нарочито положенный къ этому времени на порогъ хаты.

Послѣ погребенія ставится большой обѣдъ; въ этомъ обѣдѣ участвуютъ всѣ, кто провожалъ умершаго до могилы. Всѣхъ просятъ помянуть умершаго. За обѣдомъ дается по 2 или по 3 чарки водки. Во время обѣда кладутъ на столъ вмѣстѣ съ мягкимъ хлѣбомъ маленькіе кусочки черстваго „разоваго“ хлѣба. Эти кусочки обѣдающіе прячутъ и хранятъ, какъ средство отъ горячки, для чего этотъ хлѣбъ

размачиваютъ во святой водѣ и потомъ воду эту даютъ пить больному.

Послѣ погребенія, ночью не спать, а сидятъ „надъ кануномъ“ бабы и пожилые мужчины; при чемъ читается псалтирь до ужина и послѣ ужина, во время котораго даютъ по двѣ чарки водки. Передъ разсвѣтомъ подается завтракъ, послѣ котораго расходятся по домамъ и каждому дается по пшеничной просфоркѣ.

На слѣдующій день опять устраивается обѣдъ большой для сосѣдей, родственниковъ и бѣдныхъ. Въ третій день по смерти обязательно служится въ церкви панихида по умершемъ.

На канунѣ девятины, по приглашенію приходятъ въ домъ, гдѣ былъ покойникъ, бабы и сидятъ цѣлую ночь, какъ и передъ третиной, и читается псалтирь. Въ девятый день устраивается опять обѣдъ для сосѣдей, родичей и бѣдныхъ, и служится въ церкви въ этотъ день панихида. Бѣднымъ больнымъ отсылается обѣдъ на домъ. Такимъ-же самымъ образомъ сидятъ ночью передъ сороковинами и передъ годовинами, а въ самые эти дни устраивается обѣдъ и служится обязательно въ тотъ-же день въ церкви панихида.

При перемѣнахъ время года особыхъ замѣчательныхъ обычаевъ нѣтъ.

Приближеніе весны всехъ радуеть, и эта радость проявляется въ пѣсняхъ двѣиць, которыя, еще до начала работъ весеннихъ, въ тихіе весенніе вечера собираются на улицахъ и поютъ особеннымъ мечтательнымъ напѣвомъ свои весеннія пѣсни— „веснянки“:

„Бижыть вода зъ горы руда,
 Зъ вышневого салу,
 Клыче козакъ дивчыноньку.
 Соби на пораду.
 Порадь, порадь, дивчынонько,
 Такъ, якъ ридна маты,
 Ой, я-жь тебе, козаченько,
 И ражу й не ражу,
 И съ тобою вечиръ стою
 На другій (вечиръ) важу“.

„Котылося видеречко
Черезь озеречко,
Не дасть мене батько й маты
У чуже селечко“,

* *
*

Поють и другія пѣсни.

При первомъ громѣ, каждый старается обпереться объ что нибудь спиною для того, что-бы въ продолженіи цѣлаго года не болѣла спина.

Во время грозы, зажигаютъ въ хатахъ страстную свѣчу, съ которой ходили три раза къ чтенію Страстей Христовыхъ. Для того что-бы скорѣе прекратилась гроза и прошла благополучно, выбрасываютъ изъ хаты рушникъ, въ которомъ носили въ церковь святить пасху; для сего случая этотъ рушникъ сохраняется немывтымъ.

Во время грозы, выбрасываютъ лопату, которая употребляется для посадки хлѣбовъ въ печь; такъ же вставляютъ въ комень рогачъ.

Когда въ первый разъ выгоняютъ скоть на пастбище, то въ дверяхъ загороды кладутъ топоръ остриемъ въ хлѣвъ; потомъ кропятъ освященной водой скоть, и черезъ положенный топоръ выгоняютъ скоть изъ хлѣва. А когда въ первый разъ выгоняютъ на пастбище овецъ, то кладутъ въ воротахъ поясъ и, окропивши овецъ святой водой, черезъ этотъ поясъ ихъ выгоняютъ. Это дѣлается для того, что-бы разводились овцы.

Наступленіе лѣта также обозначается дѣвичьими пѣснями. А такъ какъ начало лѣта всегда совпадаетъ съ Петровымъ постомъ, то и пѣсни носятъ названіе „петровка“. Поють:

„Петривочка—мала ничка,
Не выспалась наша дивочка,
Къ череди гнала, та й задримала,
На пенькахъ ноги позбывала,
На колючкахъ очи повыдирала
Поки къ череди одгнала“.

„Ой, ты сывая, зозуленько,
 Не куй рано у диброви,
 Не буды мене молодой.
 Бо збудять мене раннишь тебе
 Раннишь твого куванничка;
 У мене свекорко — не батенько,
 У мене свекруха — не матинка
 Та встань, невестко молодая,
 Де у тебе вода холодная?
 Невистка встала й послухала,
 Взяла видерце й постукала,
 Лягля, голову вкутала“.

Поють еще нѣсколько другихъ нѣсенъ въ томъ — же родѣ.

При началѣ посѣва, пахарь, сотворивши крестное знаменіе, говорить: „Роды Боже, на всякого долю“.

При посѣвѣ конопли, ѣдятъ варенныя яйца, для того, чтобы конопля въ прядивѣ удалась бѣлая.

6. Нравственность прихожанъ. Прихожане — народъ смиренный, богобоязненный, живущій по завѣтамъ доброй старины, исполняющій уставы православной церкви. Къ началству и къ пастырямъ духовнымъ — почтительны; во взаимныхъ отношеніяхъ — благодушны. Въ невзгодахъ и болѣзняхъ — терпѣливы; въ счастіи и благополучіи — не превозносящіеся. Молодые люди — старшимъ послушны. При призывѣ къ исполненію — воинской повинности, молодые люди ведутъ себя примѣрно и обычному во многихъ другихъ мѣстахъ. разгулу въ это время не предаются.

Не было случая, что-бы, во время призыва, молодые люди нашего прихода участвовали въ какихъ нибудь безчинствахъ.

Во время учебнаго сбора ратниковъ ополченія въ городѣ Гадячѣ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1901 года, одинъ изъ прихожанъ, ратникъ ополченія, именно крестьянинъ деревни Ветхаловки Иванъ Петровичъ Жаданъ, совершилъ даже подвигъ челоуѣколюбія, онъ спасъ утопавшую въ рѣкѣ Пселѣ дочь городского учителя Дмитренко, рискуя собственной жизнію, и за это получилъ серебрянную медаль на Владимірской лентѣ и пять рублей денежной награды.

Подаяніе милостыни нищимъ всегда считается обязатель-

нымъ. Практикуется также частная помощь бѣднымъ; ихъ снабжаютъ топливомъ и провизіей, чѣмъ кто можетъ. Иногда, во время освященія пасхальныхъ брашнъ, кто нибудь тайно оставляетъ узель съ пасхой и другими яствами, для отсылки бѣднымъ, по усмотрѣнію священника. Прихожане вообще живутъ дружно между собою; да иначе имъ и нельзя жить, во первыхъ потому, что много между ними есть родственниковъ и кумовьевъ, а узы родства плотскаго и духовнаго считаются священными; во вторыхъ потому, что каждый нуждается въ помощи другого, въ особенности—малосостоятельные. Не у каждаго имѣется достаточное количество скота для пахоты, а посему необходимый для одного плуга комплектъ скота или лошадей собирается отъ нѣсколькихъ хозяевъ, и они по очереди пахутъ. Такъ же и при молотбѣ,—одинъ другому помогаютъ и личнымъ трудомъ и лошадьми, когда конная молотилка переходитъ по очереди отъ одного хозяина къ другому.

Настоящихъ алкоголиковъ въ приходѣ нѣтъ.

7. Умственное развитіе прихожанъ. Умнымъ человѣкомъ въ приходѣ считается тотъ, кто умѣетъ править своимъ домомъ и хозяйствомъ; кого сыны и все семейство любятъ и слушаетъ. Одна грамотность еще не даетъ права считаться умнымъ членомъ общества, а для этого требуется житейскій опытъ и природный умъ.

По приблизительному подсчету, въ приходѣ числится грамотныхъ, умѣющихъ читать и писать, вмѣстѣ съ учащимися въ школахъ, мужскаго пола 278 душъ и до 300 душъ, женска пятьдесятъ (50) душъ; кромѣ того умѣющихъ только читать 3 души мужчинъ. По отношенію къ общему числу прихожанъ, принимая въ счетъ и младенцевъ, грамотные составляли въ 1903 году равнымъ числомъ 15⁰/₀⁰%. Количество грамотныхъ съ каждымъ годомъ увеличивается на нѣсколько процентовъ.

Въ домѣ вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софіи Александровны Устимовичъ имѣется довольно большая по количеству книгъ бібліотека, состоящая изъ книгъ русскихъ и иностранныхъ писателей, а также изъ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій. Но за неимѣніемъ полнаго правильно составленнаго каталога невозможно опредѣлить количество книгъ а также степень ихъ достоинства.

Съ развитіемъ грамотности, съ поднятіемъ умственнаго уровня, у прихожанъ установились возможно правильныя, хотя элементарныя понятія о природѣ и ея явленіяхъ; а фантастическій элементъ въ міросозерцаніи народномъ уже отходить въ область постепенно исчезающихъ преданій и сказокъ. Теперь уже никто не думаетъ, что земля плоская, что есть край или конецъ ея и что она имѣетъ плотную поддержку и твердые устои, что солнце движется вокругъ земли и проч.

Вмѣстѣ съ этимъ прихожане смотрятъ на природу и ея явленія, какъ на результатъ дѣйствія всемогущаго Промысла Божія. „У Бога все готово“, говорятъ о перемѣнахъ атмосферныхъ явленій.

Народная медицина. Народная медицина въ настоящае время уже почти не существуетъ. Въ случаяхъ легкихъ заболѣваній иногда прибѣгаютъ къ прежнимъ домашнимъ средствамъ, но въ трудныхъ случаяхъ почти всегда обращаются къ врачебной помощи.

Большая часть болѣзней приписывается простудѣ, но иногда причину болѣзни находятъ въ перепугѣ, а такъ-же въ дурной встрѣчѣ. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ чаще всего обращаются къ бабкамъ—шептухамъ. Болѣзнь отъ испуга называется „переполохъ“, при лѣченіи котораго, бабы—шептухи льютъ въ воду растопленный воскъ и по вылившимся фигурамъ опредѣляютъ причину испуга и потомъ произносятъ соотвѣтствующія шептанія. Болѣзнь отъ дурной встрѣчи называется „прыстрить“, отъ котораго такъ-же шепчутъ. Лихорадка называется „лыхоманка“, рожа называется „бешыха“. Туберкулезное заболѣваніе ребенка называется сухоты. Припадокъ на дѣтяхъ называется „родимчикъ“, припадокъ на взрослыхъ называется „прытча“, „чорна болізнъ“. Спазмы въ желудкѣ съ тошнотой и болью въ животѣ, сопровождаемыя сонливостью называются „сояшныци“. Разлитіе желчи называется „жовтяныци“. Поврежденіе при поднятіи тяжестей называется „поруха“. Бабы-знахарки всякую болѣзнь стараются излѣчить или, лучше сказать, изгнать шептаніемъ; употребляютъ такъ-же для излѣченія болѣзней разныя травы, собираемыя въ день Купала, но опредѣлить, какія травы и отъ какихъ болѣзней употребляются, за неимѣніемъ свѣдѣній не возможно. Глаза лѣчатъ росой, собранной въ Юрьевъ

день. Въ случаяхъ вывиховъ варять въ водѣ вѣтки березы, собранныя до восхода солнца въ Середу Преполовенія и въ этихъ вѣткахъ парять вывихнутую часть тѣла.

При ломотѣ въ спинѣ, поясицѣ, а также при боли живота „скидываютъ горшки“ на больное мѣсто, т. е. ставятъ сухія банки; для этого въ кувшинъ кладутъ шарикъ чесанной пеньки или льна, а для того что-бы этотъ шарикъ не выпалъ, въ кувшинъ закладываютъ двѣ полочки накрестъ потомъ положенную въ кувшинъ пеньку зажигаютъ и прикладываютъ горлышко этого кувшина къ больному мѣсту.

Пиявокъ уже почти ни у кого нѣтъ.

Въ настоящее время народная медицина съ ея своеобразными средствами уступила мѣсто медицинѣ научной. Знахарству и вышентываньямъ уже не придаютъ серьезнаго значенія и большею частію больныхъ везутъ къ врачу.

Только народъ вообще не любитъ лечиться и то лѣченіе считаетъ дѣйствительнымъ, которое даетъ себя чувствовать въ благопріятномъ смыслѣ уже при самомъ началѣ лѣченія. Долгаго-же лѣченія народъ не выноситъ и часто больные совсѣмъ перестаютъ пользоваться лѣчебными средствами, если не замѣчается какого либо улучшенія въ ходѣ болѣзни.

Прихожане, какъ люди живущіе близко къ природѣ, не боятся смерти, которая есть переходъ къ иной жизни, а посему и не стѣсняются заявлять больному свои предположенія о близкой его кончинѣ.

Отдѣлъ V-й Церковно-приходскія учрежденія.

1. Въ приходѣ имѣются двѣ земскихъ школы: въ селѣ Середнякахъ и въ хуторѣ Ветхаловкѣ. О времени и обстоятельствахъ ихъ возникновенія сказано вначалѣ предыдущаго IV-го отдѣла. Въ 1903 году обучалось въ Середняковской школѣ 57 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ; въ Ветхаловской школѣ—35 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ.

Церковной школы нѣтъ и средствъ для устройства новой школы не имѣется.

2. Церковно-приходское попечительство.

По сохранившимся документамъ видно, что приходское

попечительство было учреждено съ 1865 года на трехлѣтній срокъ, и въ то время предсѣдателемъ сего учрежденія былъ отставной капитанармусъ Фока Павловъ Левченко, здравствующій и по нынѣ.

По свидѣтельству клировой вѣдомости за 1870 годъ, прихожане въ 1868 году не пожелали имѣть въ приходѣ попечительство, „потому что въ прошедшее трехлѣтіе попечительство не сдѣлало никакой пользы, кромѣ однихъ неприятностей, какъ для общества, такъ и для причта“.

Отъ 16 Февраля 1877 года снова было утверждено приходское попечительство, и должность предсѣдателя въ ономъ принялъ Прокопій Андріановичъ Устимовичъ. Заботами этого состава попечительства сооружена въ Середнякахъ существующая нынѣ новая церковь, а на старомъ церковномъ погостѣ, изъ матерьяла разобранной старой церкви выстроень церковный домъ, гдѣ помѣщается земская школа. Церковная—же школа тогда не была открыта потому, что въ то время церковно-школьное дѣло не имѣло той могучей организаціи, тѣхъ матеріальныхъ средствъ, какъ въ настоящее время.

Въ 1887 году земская школа для прихожанъ была самая выгодная въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ отъ нихъ требовалось только ежегодно 100 рублевый взносъ на нужды школы, а остальные расходы покрываются изъ общихъ земскихъ суммъ.

Послѣ постройки церкви и церковнаго дома, активная дѣятельность попечительства прекращается; попечительство, не обладая средствами, существовало только официально до смерти своего предсѣдателя дѣйствительнаго статскаго совѣтника Прокопія Андріановича Устимовича, который умеръ въ Германіи, въ Наугеймѣ 3 Іюля 1899 года.

Въ настоящее время, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ и источниковъ добыть оныя, попечительство не существуетъ. Приходскія дѣла дѣлаются слѣдующимъ образомъ: если предстоитъ какое либо дѣло, касающееся цѣлаго прихода, то послѣ частныхъ совѣщаній съ прихожанами, дается объ этомъ знать волостному старшинѣ, который нарочитымъ отношеніемъ назначаетъ приходскій сходъ въ Середнякахъ. На этомъ сходѣ составляется приговоръ, который отсылается на утвержденіе мѣстнаго земскаго начальника, затѣмъ при-

водится въ исполненіе. Для этого изъ среды прихожанъ, при составленіи самаго приговора, избирается нѣсколько лицъ, которыя называются уполномоченными. Такимъ образомъ попечительство, хотя и не существуетъ офиціально, но въ случаяхъ нужды, оно какъ-бы возникаетъ временно и затѣмъ, по минованіи надобности, закрывается.

Другихъ церковно-приходскихъ учреждений въ приходѣ не имѣется.

Настоятель Александро-Невской церкви села Середняковъ, Гадячскаго уѣзда, Полтавской епархіи.

Священникъ *Евфимій Вас. Евфремовъ.*

Отъ Редакціи.

Поступили пожертвованія въ пользу голодающихъ:

Отъ г. Н 1 р.
Отъ Неизвѣстной — 60 к.
Отъ „Зрячихъ 3 р.
Собран. св. Прокопенко 15 р 15 к.
Всего 19 р. 75 к.

Деньги отосланы въ Скопинское (Рязан. г.) Отдѣленіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта на устройство столовыхъ для дѣтей школьникова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При Покровской церкви мѣстечка Опошни, Зеньковскаго
уѣзда, Полтавской епархіи,

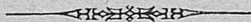
ПРОДАЕТСЯ.

съ разрѣшенія Епархіальной власти,

СТАРЫЙ ИКОНОСТАСЪ

съ хорошо сохранившейся и хорошаго
достоинства живописью.

Желающіе его приобрѣсть, могутъ по этому дѣлу обра-
щаться по адресу Причта и Старосты этой церкви.

СОДЕРЖАНІЕ.—I. Бесѣды о евангельскихъ блаженствахъ.—II. На наши темы.—III. Нужно ли выборное начало въ духовенствѣ.—IV. Переяславская семинарія въ 1738—1785 г.г.—V. Церковно-историческое и статистическое описаніе Александро-Невской церкви и прихода села Середняковъ, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи. (Окончаніе).—VI. Отъ редакціи.—VII. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи

}	<i>В. Терлецкій.</i>
}	<i>В. Конопатовъ</i>

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры. 20 Марта 1906 г.

